

Рассказ скачан на сайте <http://eromo.org>

Название: Тяготы и радости молодого офисного планктона

Не могу так больше, просто не могу. В этот день прочно стояли две вещи: ужасающая жара и мой член. И обе одинаково сводили меня с ума. Сидеть в душном офисе с хило работающим кондиционером — настоящая пытка, особенно, если ты не любишь свою работу. Но, что ещё делать лентяю-выпускнику экономфака, как не трудиться клерком на госслужбе?

Секса не было уже 3 недели, как разбежались с сукой-бывшей.

Говорят, есть такие мудаки, которые разговаривают со своим членом. Мне кажется, мой сейчас кроет меня матом. Особенно, за воспоминания о ежедневном сладком трахе с молодой ебливой подружкой. Сцена с её подпрыгивающими упругими сиськами спазмом отдаётся в штанах.

Интересно, что у меня сейчас на лице написано? По идее: «Я набираю таблицу заёмщиков в экселе». Ну, хотелось бы конечно. Как назло, в офисе ни одной приличной бабы. Одна — молчаливая мышь, маленькая, хмурая вечно. Другая — совсем старая тётка. Хорошая, конечно, но я для неё почти внук. Есть ещё одна — начальница моя. Этакая «Катя Пушкарёва». Такая же мешковатая одежда, мерзкие очки, и, правда, характер тоже мерзкий. Дорвалась баба до власти, теперь его, Вовку Коростылёва, тычет носом в монитор за любую провинность. Бесит ужасно. Что хуже, периодически ходит, проверяет, что у меня на экране. Работаю ли я или, может, играюсь или в соцсети ошиваюсь.

От злости, блин, ещё больше потеть начал, и так, блять, жарко. Так всё, надо успокоиться.

Эксель, эксель, заёмщики, проценты, кредиты. Ах, блять, чтоб вы провалились. Ни о чём не могу сейчас думать. Пойду, кофе себе налью.

— Что, не работаете тебе? Опять кофе пьёшь? Только ж ходил за кружкой! Ты когда таблицу сделаешь, это ж пять минут работы? — менторский тон выводит меня из моих «чудесных» мыслей.

— Спал плохо, Марина Георгиевна, — держу виноватый тон: начальница, чтоб её. Только поставили на должность, а гонора — как у генеральши.

— Спать надо вовремя ложиться! А то, небось, играешься целый вечер, да в интернете сидишь! — ей богу, как мамка.

— Бессонница из-за жары, — у меня даже нет сил пререкаться, а сам думаю: «Чтоб ты провалилась, свиноматка, тебя вообще ебёт, чем я занимаюсь? Может, дrouchу до двух ночи». Мой член при мыслях о дrouchке и порнухе снова громко послал меня... собственно, к самому себе.

— Бессонница у него, ну-ну. Давай уже, пей свой кофе и смотри, таблица чтоб у меня в общей папке была через 15 минут, у нас работы непочатый край. — и её толстая задница исчезла. Не такая уж и толстая конечно. Но за этой одеждой... тьфу, короче. Сейчас кофейку накатим, и жизнь станет хороша.

Дело уже к обеду, таблица была давно готова, и, вроде, даже без ошибок. Весь наш офисный планктон варился в супе из жаркого воздуха, запахов с улицы и ароматов разогреваемой в микроволновке еды. Женщины обмахивались книжками и методичками, а я молча терпел и разглядывал тайком голых девок на мониторе. Зачем я так себя мучаю, непонятно даже мне. Член устал меня обзывать предателем. Правда, я так сконцентрировался на двух сексуальных девочках, которые в позе 69 вылизывали друг другу половые органы, что еле успел ткнуть

Ctrl+W, когда мой монитор резко развернули.

— Чем ты сейчас занят? — не хватает звука сверчков на фоне. Монитор показывает запущенный 1С.

— Ничем особенным. Обедать сейчас пойду, — скорее всего, правда, я прочить пойду в туалет, но «Пушкарёвой» об этом знать не следует.

— Пойдём, ты мне нужен как мужчина, — мерзко хихикнув, пропищала Марина — мне у себя надо коробки с методичками в шкаф поставить, а ты у нас единственный парень на данный момент.

— А Серёга? — блин, и чёрт дёрнул меня админа нашего подставлять, ну хоть как-то надо оттянуть момент вставания из-за стола, потому что мой бугор на штанах будет виден даже с Марса.

— Он болеет сегодня. Давай, поторопись, если не хочешь обед пропустить!

«Сиськи старой бабки, жирные ляжки Марины, мёртвые кутята, интеграааалы, да уймись же стояк проклятый!» — с такими вот радужными мыслями я медленно вставал из-за стола и отправлялся на тяжкий труд грузчика. Меня сонными взглядами провожали наши курицы из отдела, пожирающие разного рода анакомы и дошираки.

— Ну чего ты стоишь как не родной? Давай хватай вот эти коробки, и — на стремянку, — явно злорадствуя, Марина раздавала мне указания. На столе у неё уже стоял хавчик, — Не стесняйся, ща отработаешь и поешь — обед надо ж заслужить.

Посмеявшись с собственной остроты, она села за стол и принялась уминать свой обед.

Сегодня явно не день Бекхэма: коробки были невероятно тяжелыми, сделаны из старого картона, вечно стремились порваться. Прибавьте к этому жару, желание пожрать и щемящее чувство вселенской несправедливости — работа в перерыв. Моё мужское эго было вдавлено в пол и размазано. Зато стояк притих. Лезть приходится высоко, плюс ко всему коробку надо поднимать руками наверх. Когда шаткая стремянка закачалась подо мной, вся моя 22-х летняя жизнь пронеслась перед глазами. Нужно обладать чувством равновесия эквилибриста, чтобы исполнять такие трюки. За нищенскую зарплату клерка я на такое не готов.

— Марина Георгиевна, Вы мне не поможете? — тупо как-то обращаться на Вы к той, что старше тебя всего на четыре года, но опять же, начальница.

— Ох, ты ж, Господи, — жуя сосиски, проворчала она, — ну что ж ты за мужик, что без женщины не справишься? Что ты хочешь?

Тут я просто вскипел, думаю «ах, ты ж тварина, я тут корячусь, жизнью рискую, а она жрёт, да ещё и пиздит на меня».

— Я тут вообще-то упасть могу. Подержите мне ноги, или лестницу хотя бы, чтобы не шаталась.

Вытирает свои толстые губы салфеткой, подходит к лестнице и вцепляется мне в икры.

Первая коробка пошла. Затем так же я поднял ещё три. Пот с меня лился уже просто рекой — сплит вообще никак не справлялся. Смотрю, и ей уже жарко.

— Давай, я тебе подавать буду коробки, чтоб ты не лазил вверх-вниз? — надо же, хоть одна умная мысль.

С трудом подаёт мне следующую коробку, и снова хватается за ноги. Ещё пара подходов и она выбилась из сил, волосы мокрые, очки на вздёрнутом носу запотели.

— Щас... подожди... , — скидывает с себя свою дебильную шаль. Наши тётки интересовались — чего она в жару в шали ходит? Говорит, что под сплитом замерзает.

Вот зря она это, конечно. Кто ж знал, что у неё под шалью блузка белая. Полупрозрачная. И кто знал, что в этой блузке покоятся пышные вкусные шары молочных сисек обтянутых кружевным лифчиком. От жары всё это великолепиие просвечивается, и, угадайте, кто стал подавать признаки жизни?

Я сглатываю слюну и перехватываю коробку из рук. Взгляд прочно прилип к новооткрывшимся прелестям начальства.

— Чего встал? — это она мне или члену? — Мне ж тяжело, давай заканчивать по быстрее.

— Да-да.

Видимо от головокружения она уже стала плохо соображать, взяла да и схватила меня за бёдра. Электрическим током это прикосновение отдалось в мошонке. Ну что ты будешь делать — опять стояк. Я согнулся немного инстинктивно, и чуть не грохнулся.

— Ты чего? Еще парочку — и мы уже закончили! Давай, не расслабляйся! — знала бы ты, зараза, как я напряжён!

Закончив-таки работы, я слез со стремянки и, сложив, поставил у стены. Марина сидела, оперевшись своей широкой задницей на стол. В этой блузке она, конечно, смотрелась эффектно — заметная ложбинка между двух упругих сисек тесно прижатых друг к другу. Явно заметив мой взгляд — она резко схватила шаль и накинула на себя, покраснев как девочка.

— Можешь идти, Коростылёв. Разрешаю тебе удлинить твой перерыв, в силу форс-мажорных обстоятельств.

Дверь за мной захлопнулась, и я пошёл уминать салат и бутерброды. В моей памяти до сих пор были эти невероятные буфера. Дожевав свой бутерброд, я пулей влетел в туалет. Пускай курицы думают, что у меня несварение, мне всё равно, я обязан спустить пар! Наконец-то уединившись, я сел на закрытую крышку унитаза и растегнул штаны. Мой истомившийся причиндал гордо выскочил, показав капельку смазки. Рука уже уверенно задвигала кожу, отправляя меня в рай, я расслабился и стал предаваться мечтам о том, как порю эту ненавистную начальницу. В моих мечтах она отдавалась мне лёжа на столе, отставив свою задницу вверх. Её сиськи-шары лежали расплюснутыми на столе, а я нещадно вбивал своего бойца в её нетраханную щель (я предполагаю, что у неё нет мужика, судя по тому, как она себя ведёт и одевается, но мало ли). Я уже был близок к тому, что бы скормить содержимое моих яиц салфетке, как услышал скрип отворяемой двери.

Туалет у нас, к сожалению, общий, а, так как я рассеянный идиот — конечно же, я не повернул защёлку. Счёт пошёл на секунды. Раз — и мой член уже в трусах. Два — штаны уже застёгнуты, три — я у двери и кричу на ходу: «Занято, занято, занято!».

— Коростылёв! Ну что за беда с тобой, а? Запираться ж надо, — надо же. Объект моего лютого фапа как раз обозначился около туалета. И дал мне повод разозлиться — так как из-за подобного стресса мой член послал меня уже точно подальше и подниматься не хотел. Я умылся холодной водой и вышел. В коридоре стояла Марина Георгиевна, и, покачав головой, зашла в туалет.

Я побрёл к своему рабочему месту и окунулся в работу. Мне уже ничего не хотелось на сегодня. Обработав ряд срочных и несрочных документов, унылых заявлений и всякую другую поебень, я засобирился домой — пятница, короткий день всё-таки.

— Коростылёв, зайди ко мне, — не ну надо же, сначала перерыв, а теперь ещё и рабочий день удлиняет. Курва.

— Коростылёв, ты знаешь, как я к тебе отношусь. Работник ты посредственный, но сделаем

скидку на то, что ты выпускник, — ну допустим, и чё? — В общем, что я хочу сказать,... ты вообще понимаешь, где ты находишься?

— На работе.

— На работе, — передразнила она меня голосом троглодита, — Ты находишься в государственном учреждении, тебе выпала такая честь!

— Я что-то не так сделал?

— Объясните мне, Владимир Коростылёв, что такого интересного находится на этих интернет-страницах, что Вы регулярно посещаете их на рабочем месте?

Увидев список, я похолодел. Это была распечатка истории посещений из моего браузера. Ну, Серёга, ну крыса, я тебе это припомню. Начальница будто мысли мои прочла:

— Это не администратор. Я и сама умею достать историю посещений, если нужно. Я ж не такая дура, какой ты меня считаешь, — а я уже мысленно четвертовал системного администратора. Хотя, тоже хорош, мог бы прикрыть вообще-то доступ к машинам по сети. Начальница явно ликовала, она упивалась моим унижением, а я стоял красный как рак. Мне хотелось молча уйти. Я уже представлял, как пишу заявление на увольнение, все удивляются, одна Марина стоит и скалит зубы.

— Вот, смотрите, что это за названия такие? Порно-попки! Ахахаха! А это что? Рашен-порно точка ру! Ой, Коростылёв... Сидишь на рабочем месте и такой херней занимаешься. А потом дронишь в туалете, хоть бы закрывался.

Меня это окончательно добило. То есть, эта сука знала, чем я занимаюсь там, проследила и решила мне помешать. У меня просто сорвало крышу. Не, я понимаю, что тоже хорош — смотреть порно на работе, дронить в туалете — это всё очень и очень нехорошо, но вот так окунать меня в дерьмо — тоже не комильфо. Мне стало уже наплевать.

— Да, я дрочу, ну и что? Мне нравится. У меня может сексуальность повышенная, — на лице ни один мускул не дрогнул.

— Ты посмотри, какой наглец. Повышенная сексуальность у него. Да ты знаешь, что тебе будет, если узнают о том, чем ты тут на работе занимаешься?

— А тебе что, завидно? Небось, сама каждый день дома мастурбируешь как угорелая без мужика, — ай молодец, ай отжёл, такое тебе, Вован, точно не простят.

Сказать, что она охуела — не сказать ничего. Она вскочила с кресла, рот жадно хватал воздух, она собиралась явно ответить что-то жёсткое, что-то крутое, но потом её плечи расслабились, она снова села, сняла очки и... зарыдала.

Мне даже жалко её стало. Ну, ведь правда: ходит девушка, а одевается как тётка, ведёт себя как глава комсомола и передовик, завязала либидо узлом. Видать мужик её предал, а она эту злобу затаила да культивировала. Сублимировала в работу и теперь отыгрывается на мне как единственном представителе мужского пола поблизости.

Пока вся эта философия пронизывала мою голову, Марина уже вытерла слёзы и снова надела очки.

— Хам ты, Володя. Хам и грубиян. А я между прочим одинокая женщина. Мне может комплиментов хочется.

— Так ведь... так я... я же... , — я правда растерялся, не знал что сказать. Иии... «Володя»? — Вы бы... может, просто, одеваться по-другому будете, да перестанете быть злобной фурией. Может, тогда и комплименты будут.

— А что? Я плохо одеваюсь? Володь, скажи честно. И давай на «ты», правда, а то у нас

разница ж никакая, а я себя старой чувствую.

— Ну... сейчас жара, лето, а Вы... ты... в шаль кутаешься, юбка до пола какая-то, не видно ничего...

— А то должно быть видно? — улыбается уже.

— Ну как что... всё... что показывать можно!

— Что ж ты такого увидеть захотел, а, извращенец? — смеётся, уже и мерзкой такой не кажется.

— Ну как что, задницу, ножки, сиськи... — решил подыграть шутке

— Коростылёв! — снова нахмурилась, — хотя чёрт с тобой. Видела я, как ты пялился сегодня.

— А мне понравилось, можёт?!

— Не наглей, а? Думаешь, как елдак себе здоровый отрастил, так можно и скабрзными комплиментами сыпать? — опа! Здоровый?? Видела-таки! Приятно-то как...

— Спасибо за комплимент!

— Пожалуйста, с меня не убудет, я льстить не умею, — у меня снова встал член. В который раз за сегодня? — Так что там не так с моей одеждой?

— Ну, для начала наверно всё таки что-то полегче носить. Без шали, юбку попрозрачнее, не такую может мешковатую, или брюки. Не знаю, я ж не спец по шмоткам.

Скинула опять шаль.

— Вот такая блузка ничего?

Я опять уставился на её груди, но тут же опомнился и закивал:

— Да, да! То, что надо! И прозрачная, и лифчик красивый. А внизу тоже кружевное?

— Ох, Коростылёв! С ума сошёл такие вещи спрашивать? Ну да, тоже кружевное. Мне такое нравится.

— А покажешь? — что-то вот походу не головой я сейчас думаю.

— Володя, у тебя что, подружки нет?

— Нет, бросила.

— То-то неймётся тебе. Меня тоже муж бросил. Год назад, — что и требовалось доказать, господи!

— Так покажешь?

— Коростылёв, зачем это тебе вдруг? Ты помнишь вообще кто я такая?

Ну, раз не уволят — пойду ва-банк.

— Ты? Красивая женщина, которая законсервировалась и страдает без мужского внимания. Я... , — побольше воздуха, надо ж смелости набраться — я ж, думаешь, на кого дрович сегодня?

Она остолбенела. Сомнительный комплимент конечно с моей стороны, но чёрт, ситуация ж заводит.

— И на кого же? — раз, губы облизнула

— На тебя... На тебя, дура, — последние слова были произнесены почти шёпотом

Встала внезапно и вышла из-за стола.

— Пошляк. Я не буду оголяться одна. — И что мне снять?

— Я — юбку, а ты — штаны соответственно.

Ремень долой, три секунды и штаны уже валяются на полу. Марина же медленно расстегнула юбку сзади и, давай, виляя своим роскошным задом постепенно его оголять. Вот уже и край трусиков появился. Да, не соврала, белые кружевные. Из комплекта прям. Боже мой, а какие

прекрасные ножки. Может слегка и виден целлюлит, но в целом гладкие, мощные бёдра, попа наливная как яблоко. Даже два яблока. Её полнота оказалась иллюзией, дурацкая одежда скрывала красивую фигурку налитой соками самки.

Трусы не справляются со стояком.

— Просто супер. У меня нет слов, Марина. Это шикарно. Вот что-то попрозрачнее оденешь и будет самое оно! — зарделась, ты смотри, приятно ей. — А, ну-ка, покрутишься чуть-чуть.

Изящным движением ножки юбка улетает в сторону, блузка еле прикрывает сочный зад.

Марина вертится, демонстрируя свои шикарные (кто б подумал?) изгибы.

— Может ещё стоит осанку держать по ровнее, и прогибаться чуточку в спине?

— Вот так? — щас член трусы проткнёт, когда она прогнулась, то выглядела как настоящая порнозвезда. Надо же, а ведь всего 15 минут прошло.

Решил идти до конца.

— Марин, честно, это просто невероятно. У меня щас трусы порвутся.

— Ох, Коростылёв, все вы мужики одинаковые. Вижу я, как ты мучаешься. Не больно тебе в трусах?

— Больно. Но снимать не буду.

— Почему? — искренне удивилась она

— Я не буду оголяться один

Похоже, она приняла мои правила, потому что молча начала расстёгивать блузку

— Этого ты хотел, Коростылёв, признайся честно? Этого? — уже начали показываться туго торчащие дойки грозившие разорвать лифчик. Я онемел и теперь уже в свою очередь медленно стал стягивать трусы.

Марина, не забывая раздеваться, упёрлась мне взглядом в пах.

— Да, этого, но ещё не всё, — я почти стянул трусы до середины бедра, но член ещё не был виден. Всё ж должно быть по-честному.

О, вот блузка уже на столе валяется, а передо мной восьмое чудо света... светы... всмысле Марины, и не восьмое, а где-то полная четвёрка. В лифчике, правда.

— Володя, я стесняюсь. Не могу так, — ну начинается.

— Что случилось?

— Володя, они некрасивые у меня, большие, толстые, ореол на полгруды, — странно, а чё тогда описывает?

— Да брось ты что, они офигенные, — сколько ж комплексов мне победить надо?

— Ну... ну ладно. Но только ты тоже снимай!

Р-р-раз! Трусы съехали вниз, и на волю вырвался мой сидящий... эээ, стоящий на вынужденной пенсии член. От близости сочной голой женщины рядом он воспрял так, как уже давно не было — мошонка подобралась, кожа оттянулась так, что, поди, лопнет, головка пульсирует аж.

Марина освободилась из лифчика, и в ту же секунду из чашек бюстгальтера появились редко встречающиеся стоячие натуральные груди. Соски были розовыми, слегка припухлыми, с ярко очерченным широким ореолом. Остался вопрос — чем думал её бывший муж, который бросил всю эту красоту?

— Охуеть... — только и смог сказать я, рука уже сама потянулась к члену

— Мда, Коростылёв, только и думаешь о своих привычках дурных. А ну-ка руку убрал! У тебя ж живая женщина рядом, — ведь, правда, что-то туплю я. — Ты вообще с женщиной умеешь

обращаться? Я тут разделась, а ты сидишь и молчишь! Не мне ж командовать всё время... И как я не сообразил, все, кто любит командовать на работе, любят, когда ими командуют в постели. Ну, обычно так. Ничего не говоря, я встал с членом наперевес, подошёл к ней и, крепко обхватив талию, прижал к себе. Мы слились в глубоком затыжном поцелуе. Она обсасывала мой язык как леденец, а я тёрся членом о её сливочные бёдра. Руки мои нещадно облапливали её нежные ягодицы, пальцы исследовали отверстия. Боже, какие нежные губки, уже прослезилась, уже жадно втягивают мои пальцы внутрь. Заебу я тебя, Маринка, ох заебу. Хватит поцелуев! Отлипаю от языка и обхватив (с трудом) снизу её вкусные шары жадно присасываюсь к большим клубничным соскам. Какое наслаждение! Сосок мягкий, податливый, постепенно твердеет под языком. Марина охает, обнимает меня, и хватается периодически то за мою задницу, то за одеревеневший хуй. Обработав хорошо один сосок, перехожу к другому. Мои пальцы уже сами трахают её сочащуюся половую щель и трут чувствительный клитор. Маринку трясёт, она целует мою голову, и её ногти периодически впиваются в меня.

— Володька-а-а-а... ! Щас же вахтёрша придёт! Ох, ненасытный какой, подожди,... ах... не могу... да отпусти же меня хоть на секунду, ты смотри, присосался!... — моя секс-бомба выворачивается и быстренько к двери — раз на ключ заперла.

— Ну что, половой гигант, продолжим? Хватит уже взаимной мастурбации, я хочу, может, член твой сосать, а то... вредно это столько не кончать.

Я радостно сел на стол, гордо выпятив свою колбасу.

— И что? И что мне с этим делать? — стала руки в боки, грудь вперёд. Нет, я щас точно на неё накинусь.

— Минет делать.

— Что? Что ты как мальчик? — смеётся

— Соси, говорю

— Я не слышу, что-что? — наклоняется поближе ко мне

— Соси, говорю, сука! — хватаю за волосы и нагибаю к члену. Но это было уже излишне. Маринку явно заводила грубость, потому что передо мной стояла красивая брюнетка с отставленным задом и задорно с жаром обсасывала мне член. Минет она делала умело, с жадностью. То концентрируюсь на головке. то захватывая ствол до середины. Мне было просто невероятно. Марина убыстряла темп, а у меня в яйцах уже сильно щекотало... ещё... тааак... ооо... оо ООХ... твою ж мать как хорошо! Мощный заряд который я копил для послеобеденной дрочки весь высвободился в горячий рот моей начальницы, мне казалось что там наберётся на стакан, но Марина всё это проглотила как ни в чём ни бывало.

— Люблю я это дело.

— Сосать?

— Да, дурачок. А что ж ещё? Я ведь женщина. Мне нравится член. У тебя он к тому же большой, — вот как она так умеет? Одна фраза и я почти уже готов к действию.

— А мне нравишься ты. Всё твоё тело, Маринка

— Ты ж меня ненавидишь, — опять ехидничает, — от любви до ненависти... ?

— Вот с ненавистью и отдеру тебя!

— Не верю.

— Доказать?

— Докажи!

Кажется, моей мечте сбыться вот не суждено — ручка двери задёргалась, а потом мы услышали громкий стук.

— Марин, ты опять допоздна засиживаешься? Что за привычка запираяться? — старушечий голос разорвал нашу идиллическую атмосферу.

— Лариса Павловна! Сегодня опять надо отчёты закончить, я скоро! — Марина в шоке начала одеваться, я уже сам силялся натянуть плавки на торчащий пенис.

— Отпирай уже, мне тут полы мыть надо, а то пока ключ найду тут, — за дверью закричали.

— Сейчас, Лариса Павловна! — кричит Марина в сторону уже почти одетая «Спрячься за шкаф!» — громко шепчет моя нимфа, и я уже как бывалый любовник сливаюсь с местностью.

Марина отпирает дверь, и до моих ушей долетает следующий диалог.

— Лариса Павловна, давайте я закончу тут, я быстро, мне 10—15 минут надо, просто ходить буду по кабинету за бумагами, снова натопчу, а? — затараторила Марина, стимулируя уборщицу ретироваться.

— Ох, ну что с тебя взять, ладно. Схожу пока туалет промою.

Когда уборщица удалилась, Марина подошла ко мне.

— Мы сумасшедшие! Жди меня на улице, я быстро, — и одарив меня влажным поцелуем вытолкала за дверь. Через 7 минут Марина спустилась за мной вслед. Не буду рассказывать, как мы добирались до дома — это было быстро и незаметно для нас. Марина пару раз по дороге целовала меня враскос, а я руками пытался залезть в её интимные места. Марина шептала мне на ухо, что я просто так не отделаюсь от неё сегодня, потому что надо начатое завершать. Член мой радостно стоял всю дорогу, причиняя мне сладкие муки.

В Марининой квартире открывалась следующая радующая глаз и половые органы картина: на широкой кровати, высоко задрав к пышным сисям ножки, лежала, закинув голову назад, Марина Георгиевна. Её периодически трясло, а из горла вырывались стоны наслаждения. Её руки крепко держали ступни и, иногда опускаясь вниз, крутили уже бордового цвета соски — у беззащитно раскрытой промежности вовсю орудовал языком натренированный на предыдущих подружках Владимир Коростылёв. За свою не слишком долгую половую жизнь он хорошо разобрался в строении женских половых органов и старательно облизывал и обсасывал крупный, размером с горошину, клитор Марины, который венчал гладко выбритое розовое лоно.

— Господи, да... да... ДА! Володя, ммм... хорошо, аах... ах, сука, хорошо как, где ты... научился так... ? А... ? Я сама... тебя... ммм... отъёбу потом... ооооооо!

Наконец, Марина, сладко затрепетав, кончила с громким криком, и голый Володя... так, хватит от третьего лица... короче, я не выдержал и соединился-таки с моей грудастой нимфой, так быстро превратившейся из занудной бесформенной блёклой бабы в сладкую любовницу. Наше совокупление было бурным и... довольно коротким. Абстиненция давала о себе знать, да и градус возбуждения был запредельным. Головка увеличилась до размера сливы, и я усердно трамбовал ею давно не траханое влагалище начальницы. Минуты через 3—4 у меня потемнело в глазах, и я, в последнюю секунду успев вытащить, заливаю очередной порцией спермы охуительное тело Марины Георгиевны.

— Охуенно...

— Мне тоже понравилось! Правда, быстро я что-то...

— Не переживай. Я успела кончить до этого. Наверстаешь, уж я-то постараюсь.

Я отдыхал лёжа на кровати, переводил дух. Марина, одев длинную майку куда-то пошла. Пока она одевалась, я в очередной раз оглядел её голую фигуру. Живот почти плоский, попа круглая и оттопыренная. Секс-бомба.

Мне стало интересно, куда она пошла. В итоге я обнаружил её курящей на балконе.

— Не знал, что ты куришь.

— Редко. Обычно после секса. Нужно ж отметить, давно его у меня не было. Сам не куришь?

— Нет, ты б заметила.

— А, ну да.

— О чём думаешь?

— О чём я могу думать? У меня бабочки в голове, или животе... Не знаю я. Мне хорошо, ни о чём я не думаю, — она облокотилась на перила балкона, оставив круглый зад. На меня смотрели половинки попы, тугая дырочка ануса и пухлые губки. Я решил не медлить.

— Ой!! Ой! Ты что? Ой, прекрати,... ой... ох... ох... нет, продолжай,... блядь,... ох... ты ж не порви меня только, кабан.

Я уже задвигался в усиленном темпе. Вечером стало прохладно, и воздух приятно щекотал наши промежности, добавляя удовольствия. Я всю накачивал Марину сзади и охуевал от собственного везения. Член стальным поршнем вколачивался в глубины ненасытного влагалища.

Марина, успевая подмахивать и курить, прерывисто произнесла:

— Хорошо мне с тобой Володька. Хорошо и сладко. Давай сильнее... Хочу кончить, чтоб ноги подгибались...

Будет сделано! Я смочил палец слюной и, обняв спереди, просунул руку к клитору. Марину затрясло опять от удовольствия, и она захрипела.

— Вооооовка... блин... ааа... щас я на весь двор заору... аа, что ж ты делаешь... ммммм... , — она укусив собственную руку стала протяжно кончать. Я ещё держался, но с трудом.

— Хватит, пойдём в дом. Я уже не могу так стоять, — она спрыгнула с члена и потащила внутрь, — ложись, давай.

Мой член просто ликовал. Я лежал на кровати и наслаждался самым охуительным минетом в моей жизни. Марина старалась всю — целовала и обсасывала яички, щекотала головку языком и пропихивала ствол поглубже в рот.

— Сядь поближе к краю кровати и свесь ноги, — на секунду оторвавшись от члена, произнесла она. Какая сексуальная ниточка слюны, а?

— Что ты задумала?

— Увидишь, всегда хотела попробовать. Но бывший муж как-то не вдохновлялся такими вещами.

Звонко поцеловав головку, она стала стаскивать с себя майку опять, давая мне возможность наслаждаться видом её охуительной груди. Затем она взяла свои замечательные сиси в руки и, плюнув между ними, обхватила ими мой ствол. Головка члена как раз торчала над грудями.

— Блин, интересно как, никогда не пробовала.

— Я тоже, ни у кого из моих бывших подруг такой груди не было.

Сжимая пальцами соски, Марина стала надрачивать сиськами мой хуй. Головка радостно выныривала из плена этой пышной белой плоти, и Марина, хитро глядя на меня, высовывала язык и слегка касалась верхушки члена.

Такая пытка не могла долго продолжаться и вскоре я тугими струями обспускал Марине лицо. Она возбуждённо старалась ловить, но мой член, похоже, хотел побить все рекорды сегодня, поэтому он упорно палил вверх.

Окончание вечера мы провели в ласках и нежности. Мы оба навёрстывали упущенное в половой и, может быть, даже в романтической сфере. Марина мне нравилась всё больше и больше. Я не хотел её оставлять.

Где-то к часу ночи мы вырубались без сил. Посреди ночи я открыл глаза. Мне что-то мешало, но я никак не мог понять что. Глаза болели, и я пытался привыкнуть к темноте. Нащупав рукой мобилу — смотрю — 4:52. И тут до меня доходит — внизу всё светло от напряжения. Ствол моего члена напоминал по ощущениям колонну из камня. Любое прикосновение отдавалось тёплой волной по всему телу. Член был сухим, и, когда я попытался по привычке подвигать кожу, стало неприятно. Мозг стал подавать сигналы о том, что я, как бы, не один тут нахожусь, а рядом, отставив крутой зад, лежала моя новая пассия. Я легонько погладил её. Потом потряс — спит вроде. Проворный палец нащупал половые губки и... провалился внутрь. Марина текла во сне.

Я услышал глухой стон. Дыхание её сбилось на секунду. Я вытащил палец и плюнув на ладонь стал растирать слюну по головке.

Через секунду мой член уже находил дорогу между великолепных ягодиц Марины, а ещё через пару секунд я, как зверь, не церемонясь совершенно, пользовал податливое сонное тело начальственной особы. Марина стала подавать признаки жизни, причём подавать она начала их с того, что стала яростно подмахивать моим ударам, а затем она утробно простонала и, схватив мою руку, переложила её с талии себе на напрягшийся сосок. Я его стал крутить и оттягивать, не останавливаясь ни на секунду. Член вообще жил своей жизнью и кончать видимо не собирался, ему хорошо было и так. Он лихо и смачно влетал и вылетал из промежности моей женщины. Марина, видимо, не хотела долго довольствоваться пассивной ролью, поэтому, слегка оттолкнув меня, залезла на меня сверху.

Как же стало охуенно. Освещение улицы слегка вырисовывала силуэт этой порно-наездницы. Марина жадно заглатывала член своим влагалищем, и с закрытыми глазами работала бёдрами и задницей. Я теперь уже сам подмахивал в ответ, силясь её, видимо, проткнуть насквозь. Её руки уперлись мне в грудь, из-за чего её сиськи были прижаты друг к другу вместе, дразня меня распухшими сосками. Через 15 минут этой зверской ебли мы были покрыты потом, и я захотел финальным аккордом задолбить её так, чтоб партнёрша своими стонами разбудила соседей. Крепко обняв её за талию, я не позволил ей двигаться, а просто начал остервенело трахать снизу. Её грудь легла мне на лицо, и я впился губами и языком в этот пир нежной плоти. Пальцы лезли в её резиновый податливый анус, и в следующее мгновение я уже трахал её указательным пальцем, чувствуя через перегородку интенсивное движение членом. На каждый удар Марина уже реагировала вскриком, и, когда я со стробоскопической скоростью стал затрачивать её, она стала кончать со стонами раненого зверя. Наконец разрядился и я. Мой член выскочил из её утробы, и сперма тяжёлыми каплями стала попадать Марине на спину и задницу.

— Пиздец, Володя. Я же спала... , — тяжело отдышавшись, моя самка легла рядом, обняв меня. Одна её грудь лежала рядом с моим ртом и я стал дразнить её, водя языком по ореолу соска, — Ну кто ж так делает? С чего это он такой твёрдый?

— Из-за тебя наверно. Я проснулся из-за этого.

— Знаешь, мне понравилось. Хорошо что на работу завтра не надо. Утром у тебя силы будут? Я рассчитываю на выходные с тобой... жеребец.

Мне стало так приятно, что я впился в неё страстным поцелуем. Она стала мне бурно отвечать, и я перелез на неё сверху, Марина обняла меня ногами.

— Ох, Володька, кто б знал, что так будет?

— Не знаю, я думал, всё это фантазиями моими ограничится...

— Дурак ты, Вова, все силы на дрочку переводишь. Как я. Ты думаешь, почему уборщице надоело, что я запираюсь? Я после работы душу отводила без мужика.

— А почему на работе? — искренне удивился я.

— У меня дома интернет плохо работает. Я кстати заценила твои сайты, так что, спасибо тебе, хорошая порнушка там, — засмеялась она

— Ах, вот ты как? Ну не за что, тогда, обращайся, я тебе ещё подыщу

Мы смеялись оба, а так как я лежал на ней сверху то инстинктивно тёрся своим бойцом о её мокрую промежность. Через несколько секунд смешки превратились уже во всхлипы и стоны, начался следующий раунд сладостной ебли.

Натрахавшись, мы заснули и не просыпались до обеда субботы.

После бурно проведённых выходных вечером в воскресенье я отправился домой, всё же надо было одежду сменить.

В понедельник Марина произвела настоящий фурор — красивая обтягивающая лёгкая летняя одежда, небольшой макияж, новые изящные очки. Все охали и восторгались, один я знал настоящую причину этих перемен.

Перед обедом моя начальница снова подошла ко мне и обычным приказным тоном прогремела на весь кабинет:

— Коростылёв! Пойдём, поможешь. Ты опять мне понадобишься как мужчина, — я удивлённо вскинул бровь, но Марина незаметно подмигнула мне и улыбнулась, — Надо небольшую перестановку сделать у меня в кабинете.

Она не соврала, мне пришлось подвигать столы. Вот только двигал я их таким образом, что на столе повернувшись боком и отставив голый покрасневший зад, лежала Марина, а я неумолимо накачивал её стоя. А в голове вертелись две мысли: кто кого из нас раньше до смерти затрахает и когда ж сплит, бля, нормально заработает?